

Ночью свирепо бушевал ветер.

Падали густые хлопья снега. В пещере слышался мягкий шелест — словно шелкопряды въедались в тутовник.

Сюй Шуанцы глянул наружу сквозь щель над дверью из сплетённых лиан.

Снежный покров отблёскивал холодным светом.

Деревья качались, отбрасывая тёмные тени, отчего морозная ночь казалась ещё более суровой.

Внезапно сквозь шорох снегопада донеслось несколько глухих звериных рыков.

Сюй Шуанцы вздрогнул, на коже высыпали мурашки.

Он замешкался, замерев на месте. Вскоре рёв затих, и в пещере снова остались лишь треск горящих дров да ритмичное скреещение когтей Цина, стругавшего деревяшку.

Сюй Шуанцы невольно посмотрел на тигра и тихо спросил:

— Что это сейчас завывало?

Цин перестал скрести дерево и наострил круглые уши. Прислушавшись, он произнёс:

— Сцепились.

— Кто сцепился? — переспросил Сюй Шуанцы.

Цин небрежно провёл когтями по бревну:

— Да кусок мяса не поделили, вот и дерутся.

В Сезон Снегов на Золотом Континенте с нехваткой пищи сталкивались все: и бродячие оборотни, и маленькие поселения, и даже крупные племена с сильными воинами. Особенно под конец зимы, когда запасы истощались, голодные зверолюди шли на крайние меры. Кровопролитие и смерть в эту пору становились обычным делом.

Доносившиеся до пещеры крики то приближались, то снова утихали. Сюй Шуанцы подошёл к самому входу, пытаясь расслышать, что происходит снаружи.

Цин с резким треском глубоко всадил когти в дерево.

— На улице опасно. Не выходи.

— Я только послушаю, — Сюй Шуанцы вернулся к очагу. — Они далеко?

— На севере. Не совсем рядом, но и не так далеко.

— А до нас могут добраться?

— Вполне.

Их пещера тоже находилась в северной части владений Цина, неподалёку от границы. Земли дальше к северу были совсем скудными — там простиралась бесплодная степь, упиравшаяся в высокие заснеженные горы.

Цин ненадолго задумался. Кажется, где-то там ютилось небольшое племя травоядных.

Травоядные сюда ни за что не сунутся, а вот озверевшие от голода бродячие оборотни — запросто. У большинства из них не было постоянного дома; таких, как Цин — способных захватить собственную территорию и удержать её, — наберутся единицы. Голодный бродяга способен на всё, и в отчаянные времена даже пожирание сородичей переставало быть чем-то немыслимым.

От этих слов Сюй Шуанцы стало не по себе.

Заметив, как поджались губы юноши, большой тигр подтянул когтем деревянную чурку к огню и упёрся в неё боком. Его пушистый хвост скользнул по ногам Сюй Шуанцы.

Юноша приподнял руку, позволяя тёплому, тяжёлому хвосту улечься на колени, и это знакомое ощущение постепенно вернуло ему спокойствие.

— Если действительно прорвутся, забирай меня и бежим, — тихо проговорил Сюй Шуанцы. — Вяжешься в драку — ещё поранят.

Цин отрезал:

— Не побегу.

На всём востоке Золотого Континента не найдётся оборотня, способного одолеть его.

\*\*\*

Дикий звериный рёв наконец затих.

От этих пронзительных воплей у Сюй Шуанцы всё ещё мороз шёл по коже.

Прошёл ещё месяц. Сезон Снегов близился к концу, но и запасы еды в пещере почти иссякли.

Съедобных растений вроде Сладкого Корня у Сюй Шуанцы оставалось достаточно, а вот Цину требовалось мясо.

Сюй Шуанцы сидел в плетёном из лиан кресле, сжимая в руках деревянный кубок с соком Красных Плодов, но пить совсем не хотелось.

Он обеспокоенно нахмурился:

— Может, расставим ловушки в лесу? Вдруг получится поймать хоть какую-нибудь дичь?

Цин уставился на последнюю сушёную рыбину, насаженную на деревянный шампур, и

облизнулся.

— В лесу ничего нет.

— Лес ведь огромный, — сомневался Сюй Шуанцы. — А вдруг повезёт?

— Не повезёт.

Сюй Шуанцы опустил руки:

— И что ты тогда будешь есть?

Цин потормошил лапой шампур:

— Рыбу.

Изначально вся рыба была связками подвешена под потолком, но пришли два волка и сразу утащили две трети.

Оставшегося хватило до сего дня, и вот перед ними лежала последняя рыбина.

Из мяса в пещере сохранялось лишь пять туш: три размером с пятнистого оленя и две — с кролика. С аппетитом Цина этого хватит от силы на пять-шесть раз.

Обычно тигры наедаются до отвала и потом обходятся без пищи четыре-пять дней, но Цин был другим. Он ел почти так же часто, как Сюй Шуанцы — три, а то и четыре раза в день, правда, меньшими порциями.

Мясо таяло на глазах, а до конца зимы оставался ещё целый месяц. По растительным запасам они выедут, но зверю нужна плоть.

— Так река же промёрзла насквозь, — вздохнул Сюй Шуанцы.

Цин предложил простое и прямое решение:

— Раздолбим.

Так они и оказались у реки.

Сюй Шуанцы закутали в шкуры настолько плотно, что он стал похож на меховой шар, из которого виднелись только глаза. Он сидел у ярко пылавшего костра, едва способный шевельнуться под тяжестью зимней одежды.

Рядом простирался скованный льдом речной затон.

Огромный Серебряный Тигр смахнул хвостом снег с ледяного панциря, затем обвил хвостом тяжёлый валун и с размаху обрушил его на лёд.

\*Бум! Бум! Бум!\*

Хвост мелькал с такой скоростью, что сливался в сплошное пятно. От каждого удара во все стороны летели ледяные брызги и крошка.

Сюй Шуанцы с трудом упёрся локтями в колени и положил тяжёлую, укутанную в шкуры голову на ладони, наблюдая за свирепствующим на льду большим котом.

Он тихо пробормотал:

— На следующий год нужно заготовить куда больше еды. И спрятать её в разных местах.

К счастью, силы Цину было не занимать.

Стоило пробить прорубь, как к источнику кислорода тут же устремилась рыба.

Сюй Шуанцы с улыбкой наблюдал, как тигр, задрав зад, погрузил верхнюю половину тела в ледяную воду и когтями вытаскивал на лёд одну жирную рыбину за другой.

Каждая потянула бы килограммов на пять-шесть.

Выскочив из воды, рыбины успевали сделать лишь пару оглушённых рывков, после чего мгновенно замерзали в самых замысловатых позах.

Опустошив одну прорубь, Цин, словно не ведая усталости, переходил на новое место и снова принимался крушить лёд.

Рыба в этой реке плодилась без помех годами.оборотни предпочитали охотиться на лесное зверье, а даже те, кто любил рыбу, из-за глубины и течения не могли наловить много. В результате река буквально кишела огромными, разжиревшими рыбинами.

Они находились довольно далеко от пещеры — у самого слияния речки с большим руслом, где ширина водной глади достигала почти километра.

Наловив целую гору рыбы, даже стойкий к морозам Цин был вынужден вернуться к костру, чтобы обогреться рядом с Сюй Шуанцы и перевести дух.

Они пробыли у реки три дня.

На четвёртый день Сюй Шуанцы смастерил импровизированные сани, на которые они погрузили несколько центнеров промёрзшей рыбы, и отправились в обратный путь.

Время от времени им приходилось останавливаться и разводить огонь, чтобы согреться.

Сюй Шуанцы, укутанный с головой, лежал на широкой спине Цина, совершенно не чувствуя пронизывающего ветра. Привыкнув к размеренному бегу тигра, он даже умудрялся задремать на ходу.

Впрочем, услышав, как большой кот несколько раз чихнул, Сюй Шуанцы решил, что по возвращении обязательно скроит шкуры и для него.

Вернувшись в пещеру, Сюй Шуанцы первым делом достал укрытые угли и раздул очаг.

Когда дверь плотно закрылась и внутри потеплело, он наконец сбросил тяжеловесную одежду. На улице ему приходилось надевать на три слоя шкур больше, чем в доме.

Рыбу сложили в соседней боковой нише. В эту пору она превратилась в настоящий природный морозильник, где продукты могли храниться бесконечно долго.

Разделка рыбы оставляет густой кровавый запах, который в зимнем лесу действует на голодных зверей как смертоносная приманка.

Приоткрыв дверь, Цин вынес и выбросил завёрнутые в крупные листья рыбы потроха.

Внутри же закипела уха, а на углях зашкворчала рыба — так, как любил Цин.

Затворив дверь, человек и тигр оказались в уютном, закупоренном тепле, принадлежавшем только им двоим.

Поев от души, они улеглись отдыхать. После трёх дней на морозе вымыться толком не удавалось.

Сюй Шуанцы почистил зубы самодельной щёткой, а затем вытер лицо влажным кусочком ткани, отрезанным от рукава старой пижамы.

Забравшись под шкуры, он другой тряпицей обтёр тело.

Цин грелся у огня. С той высоты, где он лежал, ему отлично просматривалась тонкая полоска талии, выскользнувшая из-под золотисто-красного мехового одеяла.

Узкая и до того белая, что казалась светящейся.

Цин с любопытством разглядывал её, чувствуя, как чешутся клыки.

Ему ещё не приходилось видеть таких белокожих и нежных субоборотней.

Так и подмывало укусить.

Закончив умываться, Сюй Шуанцы плотно закутался в домашнюю одежду из шкур. От прикосновения прохладного воздуха лицо неожиданно саднило.

Потрогав щёку, он ощутил неприятную шероховатость.

Подойдя к тигру, юноша наклонился:

— Посмотри, у меня на лице нет ранок?

Цин подался вперёд и ткнулся влажным носом юноше в щёку.

— Совсем обветрилось, — сказал он. — Скоро трескаться начнёт.

Щёки выглядели нездорово красными — точно так же, как у субоборотней в его прежнем племени перед тем, как кожа лопалась от мороза.

Сюй Шуанцы поморщился, повернулся и достал баночку с вытопленным жиром.

Проходя мимо большого кота, он шутя задел пальцем его тёмный нос, оставив на нём капельку

жира.

Цин скосил глаза к носу, глядя на себя с комично-глуповатым видом.

Сюй Шуанцы усмехнулся и мягко растёр жир по его носу.

— Нос тоже надо беречь, а то потрескается.

Цин выпрямился и снова понюхал лицо Сюй Шуанцы. Затем мотнул головой, отчего его мягкие уши смешно затряслись.

— Плохо пахнет? — спросил Сюй Шуанцы.

— Не нравится.

Цину казалось, будто от Сюй Шуанцы пахнет чужим зверем, и это вызывало досаду. Ему хотелось немедленно слизать этот запах.

Сюй Шуанцы погладил его по пушистой голове и быстро отнял руку:

— Потерпишь, куда деваться. Пойдём спать, я вымотался.

Цин вышел на улицу, вывалился в снег, чтобы очистить шерсть, затем хорошенько прогрелся у очага и лишь после этого забрался под одеяло.

Полночь принесла с собой глубокую тишину.

Вдруг до чутких ушей Цина донёсся едва различимый шорох.

Он бесшумно открыл глаза.

Дрова в очаге догорали, погружая пещеру в полумрак.

Цин осторожно убрал лапу со спины Сюй Шуанцы и поднялся. Его подушечки ступали по полу абсолютно бесшумно.

Он подошёл к входу и приткнулся взглядом к щели в дверном полотне.

Круглые уши дёрнулись.

Снаружи по снегу кто-то мягко ступал. Спустя мгновение раздался сухой звук волочения.

В глазах Цина блеснул огонёк. Ветер донёс слабую кровавую гарь и запах чужих оборотней. Он прищурился, но наружу выходить не стал.

Звуки были тихими и быстро затихли вдали.

Подождав ещё немного, Цин разглядел в ночной тьме силуэты уходивших зверьков.

Совсем маленькие, пушистые комочки.

Оборотни из Племени Кошек.

Проводив их взглядом, Цин вернулся на своё место.

Сюй Шуанцы сквозь сон почувствовал, как рядом улеглось тепло, решил, что тигр просто вставал попить, перевернулся и снова уткнулся лицом в густую шерсть.

Остаток ночи прошёл спокойно.

Утром Цин первым делом выскочил наружу. Рыбьих потрохов, выброшенных накануне, на прежнем месте не оказалось.

А эти малолетки не из пугливых.

Впрочем, судя по запаху и следам, это были совсем ещё детёныши.

Весь следующий месяц Цин продолжал выносить внутренности рыбы на то же самое место. Он исподтишка наблюдал за маленькими подкормышами и, убедившись, что это действительно глупые котята, не стал их прогонять.

Вскорости снега растаяли, вернулась весна, и бежавший возле пещеры ручей снова зазвенел чистой водой.

Прошедший Сезон Снегов унёс немало жизней на Золотом Континенте, но те оборотни, кому удалось выжить, получили право встретить новое тепло.

Снег сошёл с поразительной быстротой.

Всего за пять дней от метровых сугробов остался лишь тонкий, исчезающий на глазах налёт.

Сюй Шуанцы сидел на корточках у ручья, опустив пальцы в прозрачную воду, и удивлённо разглядывал дно:

— Надо же, сколько тут уже мальков!

— Из большой реки поднялись, — равнодушно фыркнул Цин, поведя ухом.

— И всё-таки весна — замечательное время, — улыбнулся Сюй Шуанцы и поднялся, подбирая подгнившие фрукты.

Неподалёку от пещеры находилась яма, куда Цин выбрасывал мусор: звериные кости, золу, очистки.

Сюй Шуанцы заглянул туда и с удивлением обнаружил, что дно совсем чистое.

— Постой... Мы ведь сюда столько рыбьих потрохов выкинули. Как они так быстро перегнили?

— Их съели, — ответил Цин.

— Кто съел? — удивился Сюй Шуанцы.

— Кошки.

<http://bllate.org/book/20124/1992999>